

ВНИМАНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ, ИПК, КОЛЛЕДЖЕЙ И ТЕХНИКУМОВ!

В связи с перестройкой образовательного процесса, глубокими изменениями в учебных курсах и программах, а также необходимостью включения в структуру обучения новых дисциплин, отражающих интересы производства и социальной практики, Тверской университет бизнеса совместно с журналом «Alma Mater» («Вестник высшей школы») проводит с 9 по 15 декабря 1991 г. II ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕМИНАР

«МЕНЕДЖМЕНТ: ЧЕМУ И КАК УЧИТЬ?»

Тематика семинара:

1. Место и роль менеджмента в образовательном процессе.
2. Структура и программа курса менеджмента.
3. Менеджмент и нетрадиционное знание.
4. Опыт преподавания менеджмента; организационно-практические формы.

В проведении семинара будут использованы лекции-диалоги, деловые игры и тренинги, а также программные средства. Участники смогут пройти контрольное тестирование и получить консультации по интересующим их проблемам. Успешно освоившим курс обучения выдается свидетельство.

В рамках семинара предполагается выставка-продажа обучающих методик и технологий.

Для участия в семинаре приглашаются руководители и преподаватели вузов, колледжей и техникумов, институтов повышения квалификации и коммерческих центров обучения. Семинар будет проходить под руководством специалистов, имеющих опыт работы по современным программам, с привлечением представителей Гособразования СССР и Научно-промышленного союза СССР.

Материалы семинара будут опубликованы в журнале «Alma Mater» («Вестник высшей школы»).

Семинар состоится в туристическом уголке на живописном берегу Волги. Стоимость обучения одного участника — 1450 руб. В сумму оплаты входят проживание в комфортабельной гостинице, питание и культурная программа.

Заявки на участие в семинаре (с указанием номера платежного поручения) необходимо присылать до 10 ноября 1991 г. по адресу: 170026, Тверь, а/я 26123. В связи с ограниченным числом мест удовлетворение заявок, полученных позже указанного срока, не гарантируется.

Денежные средства следует переводить на расчетный счет МП ЦИРКУС № 345797 в Коммерческом банке «Тверь» г. Твери, МФО 131009. Телефон для справок: 1-11-13.

8

АВГУСТ

1991

Alma mater

ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРСЫ И ГРАНИ

- 3 Палитра идей и мнений (с Годишного собрания работников науки в высшей школе)
17 Итоги подведены. Конкурс продолжается (на вопросы отвечает заместитель председателя оргкомитета смотра-конкурса многотиражных газет вузов А. Гранов)

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 21 О. Долженко
Бесполезные мысли, или Еще раз об образовании

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

- 35 «Гениальная ошибка Горького» (интервью ректора Литературного института профессора Е. Сидорова)

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- 38 А. Пинский
Вальдорфские школы как альтернатива традиционному образованию

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

- 45 Н. Фролов
РИТМ и качество
47 В. Круглов, В. Мануйлов, О. Качайник
Инженерный выпускной экзамен

КЛУБ «МЕРКУРИЙ»

- 49 Курт Абрахамссон
Бизнес: школа здравого смысла

HUMANITAS

- 57 А. Игамбердиев
Антропный принцип: единство гуманитарного и естественно-научного

РЕТРОСПЕКТИВА: ПРОШЛОЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО

- 69 Г. Гачев
Два медведя (фрагмент из «Русской Думы») (окончание)

МЫ И ВРЕМЯ

- 82 А. Муат, М. Муат
Из прошлого... (ГИТИС второй половины сороковых)

ОБРАЗОВАНИЕ В МИРЕ

- 89 Л. Ведерникова
Национальный центр заочного обучения во Франции

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

- 96 Т. Георгиева
Недостаточность очевидного

ПРЕМЬЕРА КНИГИ

- «ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ»
97 Вальтер Роуз
Университет как явление средневековой культуры (продолжение)

Понемногу о многом (с. 20, 110)
По страницам газет (с. 94)
Вышли в свет (с. 88)

ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Образование и культура. Казалось бы, мысль о неразлучности этих двух первооснов жизненного роста личности столь прозрачна и очевидна, что забыть о ней просто невозможно. Так казалось П. А. Флоренскому, который любил повторять, что «...культура есть среда, растящая и питающая личность». В этом был убежден и В. И. Вернадский, считавший, что одна Третьяковская галерея сделает больше для развития свободного человека, чем усилия тысячи людей.

Но, увы, многие очевидные вещи в нашей жестко поделенной на различные административные сферы социальной жизни так и остаются только кажущимися. И стоит современный интеллигент перед перекрестком, на котором написано: «Налево пойдешь — образованным будешь, направо пойдешь — культурным станешь, а прямо пойдешь — ученому быть».

Публикуя эссе А. А. Муат и М. П. Муат «Из прошлого... (ГИТИС второй половины сороковых)», наш журнал нарушает вызывающую грусть традицию, следуя которой культуру и образование относят к разным ведомствам и различают друг с другом. В эссе крупными мазками передана полная горения атмосфера творческих мастерских ГИТИСа, студенты которого называют своих учителей Мастерами. Как много этим сказано. Можно только мечтать, чтобы в технических вузах, пединститутах и университетах преподаватели преобразились в Мастеров, а сами лекции напоминали мастерские ГИТИСа второй половины тяжелых сороковых годов.

Я надеюсь, что когда Мастера появятся в высшей школе, то культура и образование вновь встретятся друг с другом, как они встретились в добром искреннем эссе А. А. Муат и М. П. Муат.

Из прошлого...

(ГИТИС второй половины сороковых)

А. МУАТ при участии М. МУАТ

Мы — студенты! В это трудно поверить после только что пережитых тяжелых военных лет. Да, мы — студенты режиссерского факультета ГИТИСа им. Луначарского! И случилось это в августе 1945 г.

Военные годы совсем рядом, но мы уже полны предчувствия какой-то особенной предстоящей нам жизни, полны ощущения наступающего нового времени. Это было время надежд. И радость, взорвавшаяся 9 мая на Красной площади, переполняла, бурлила в нас, молодых, жаждой деятельности и вместе с нами ворвалась в стены ГИТИСа. Из холодных, нетопленных квартир, полуголодные (продукты выдавались по карточкам), мы попали в тепло и уют ярко освещенного института. Ковровая дорожка вела по всей длинной лестнице на второй этаж. Внизу, справа от входа, стояло огромное зеркало в старинной резной раме — здесь всегда назначались свидания.

Атмосфера радости и праздника, царившая тогда в институте, ощущалась нами как продолжение всеобщего ликования тех дней. Шлаги, цилиндры, трико, фраки (в институте был тогда «день фрака»), нарядные, хоть и самодельные, туалеты студентов вперемешку с потрепанными пальто и куртками, военными гимнастерками... В перерывах все это заполняло вестибюль, смеялось, болтало, спорило, — лица счастливые, глаза сияющие.

Поразили меня, только-только пришедшего с военного завода, где прошли для меня годы войны, студенты, целующие ручки женщинам-педагогам. Непринужденность в общении, демократизм были приняты между студентами и мастерами. Мы все были наравне — и начинающие, несведущие, и самые знаменитые. Все мы были одинаково влюблены в свое дело, жили ради него, служили ему!

Художественным руководителем института был тогда Михаил Михайлович Тарханов. В памяти студентов того времени он остался не только потому, что был художественным руководителем, но еще благодаря... «тархановским пирожкам». Он выхлопотал где-то, чтобы студентам каждый день привозили дешевые, но свежие и горячие пирожки — без карточек! Ох, и здорово они нас выручали, пирожки эти! Даже и после смерти Михаила Михайловича они долго сохраняли название «тархановских».

Помню, идет как-то раз Михаил Михайлович во время перерыва мимо двери аудитории, где стоят несколько студентов. Он останавливается, здороваются, интересуется: чьи мы, чем занимаемся. «Этюдами?» — И неожиданно предлагает нам этюд: портной принимает у клиента заказ и материю на костюм. Условие этюда — все без слов, одни междометия. Мы растерялись, зажались от неожиданности... А Михаил Михайлович тут же включился и минут десять с сверхъестественной выдумкой и юмором разыгрывал эту сцену к радости обступивших его студентов... Мы увидели, что такое талант, мастерство, щедрость — рядом с нами, тут же, хоть руками потрогай.

Ректором института в то время был Стефан Стефанович Мокульский, доктор искусствоведения, профессор, автор многих трудов, ученый с мировым именем. Именно его заслугой было привлечение в институт плеяды преподавателей-звезд. Не все они работали на нашем курсе, но книги, ими созданные, читали все студенты — нельзя было не прочесть книгу кого-либо из профессоров! Книги эти широко обсуждались в студенческой среде, иногда нам удавалось попасть на лекции их авторов, читаемые на других факультетах.

Среди этих профессоров были: А. К. Дживилегов, Г. Н. Бояджиев, А. М. Эфрос, Б. В. Алперс, П. А. Марков, П. И. Новицкий, И. И. Юзовский, И. Л. Альтман, Л. А. Малюгин, М. М. Морозов, Н. Н. Асеев, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Н. М. Тарабукин, С. К. Шамбинаго, К. П. Локс, А. С. Поль. Кафедрой театроведения заведовал Б. В. Алперс. Актерским факультетом руководил И. М. Раевский. Кафедрой режиссуры — Б. Е. Захава.

Режиссуре и мастерству актера нас учили: А. И. Лобанов, Н. М. Горчаков, Н. В. Петров, Ю. А. Завадский, Б. Е. Захава, А. Д. Попов, М. О. Кнебель, И. М. Раевский, Б. С. Плотников, Г. Г. Конский, О. И. Пыжова, В. А. Орлов, М. Н. Орлова, А. З. Окунчиков, И. С. Анисимова-Вульф, П. В. Лесли, И. К. Липский.

Наши мастера были людьми подлинной, глубокой культуры, обширных знаний, эрудиции. Все они были настоящими интеллигентами. С большой ответственностью они относились к делу нашего обучения и воспитания. Они любили институт, любили молодежь и испытывали потребность в общении с нею. Все они были коллегами, соратниками и учениками К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Е. Б. Вахтангова, Л. А. Сулержицкого и В. С. Мейерхольда.

Нашему поколению очень повезло: благодаря таким мастерам мы еще успели прикоснуться к первооткрывателям, к основам русского и советского театра. Мы получали свои знания из первых рук! Все наши мастера были еще полны сил и энергии, находились в расцвете творческой жизни, и мы могли не только общаться с ними в институте, но и ежевечерне видеть их на сцене или смотреть созданные ими спектакли.

Никакие умные лекции, никакие «вторично» написанные труды не заменят личной встречи вечером, в аудитории, когда постепенно затихает ГИТИС, с Поповым, Захавой, Петровым, Завадским...

Ничто не заменит свободного обсуждения увиденного накануне спектакля, возможности спора с его создателями, откровенной беседы, раскрывающей истоки и природу творчества мастера. Ничто не заменит возможности высказывать свои самые сокровенные «принципиальные», пусть и наивные, суждения и получать на них ответ. Урока зачастую не хватало, и лекции продолжались по пути в раздевалку.

Однажды я наблюдал, как Абрам Эфрос спускался по большой лестнице со второго этажа, окруженный жадно слушающими его студентами. Все они толпой спускались по лестнице спиной, но лицом к профессору! И такая мизансцена не была чем-то необычным. Так же много лет подряд провожали Марию Осиповну Кнебель, Алексея Дмитриевича Попова. Вообще обычай провожать профессора до раздевалки был в порядке вещей.

Наш режиссерский курс вел Борис Евгеньевич Захава, который, напомним, был заведующим кафедрой и считался теоретиком режиссуры и актерского мастерства.

Надо сказать, что он проявил смелость, набрав сразу после войны большой режиссерский курс — людей разных биографий, разного возраста. У нас на курсе вместе учились люди, уже имеющие кое-какой жизненный опыт, и совсем желторотые школьники. Но все мы были едины в своей страсти к театру. Наш курс в ГИТИСе считался сложным, но вместе с тем и талантливым.

Когда я вспоминаю те три года, которые мы провели вместе с Б. К. Захавой, то в первую очередь перед глазами возникает картина: вечер, иногда и поздний (Захава приходил к нам после восьми), на сцене за столом лицом к нам сидит Захава и читает лекцию. Мы, боясь пропустить что-нибудь, записываем. Темы лекций — подробное ознакомление с главами из второго тома книги К. С. Станиславского. Задача, действие, что я делаю, для чего я делаю. Снова задача, задача... Сквозное действие, сверхзадача, сверх-сверхзадача... — все это толковалось из урока в урок, а затем проверялось на бесчисленных самостоятельных этюдах, позже на самостоятельных отрывках. Периодический просмотр наших работ был делом самым ответственным и волнующим.

«Задумано хорошо, но не выражено!» — любимая фраза Захавы после просмотра какой-нибудь студенческой работы.

Эти работы Борис Евгеньевич предлагал сначала обсудить нам самим, а потом подводил итоги. Каждый по-своему усваивал и понимал материал лекций, положения Станиславского, поэтому разбор иногда длился не один день — спорили. «Задумано, но не выражено!» — повторяли мы часто вслед за Захавой.

Позже, на втором курсе, мы долго совместно анализировали пьесу А. П. Чехова «Иванов». Анализ был скрупулезным. Помню, очень много времени мы потратили на решение вопроса: является самоубийство Иванова подвигом или пошлостью? Этого вопроса мы так и не решили...

На третьем курсе (последнем под руководством Захавы) Борис Евгеньевич поставил с нами ряд сцен из «Гамлета». Показ наш прошел очень удачно, при большом скоплении зрителей в Большом зале ГИТИСа. Лева Дурасов очень хорошо сыграл Гамлета. В подготовке роли ему помогала его мама Мария Александровна Дурасова — у нее сохранился экземпляр пьесы с пометками М. Чехова, с которым она когда-то играла Офелию. А мы с женой Машей в нашем спектакле сыграли Клавдия и Офелию.

К своим работам мы часто привлекали ребят с других курсов, и Захава уже на втором курсе разрешил нам репетировать отрывки со студентами параллельного курса училища им. Щукина. Здесь учились М. Ульянов, Р. Быков. Помню, я со щукинцами сделал монтаж по «Женитьбе Фигаро»...

Так, соприкасаясь ежечасно с будущей профессией, своими маленькими замыслами открывая для себя ежедневные «американки», наблюдая жизнь, получая часто шишки, а иногда и пряники, мы потихоньку двигались вперед, с курса на курс.

***

Одним из педагогов по мастерству актера у нас был Игорь Константинович Липский, заслуженный артист республики, актер театра им. Евг. Вахтангова.

Липский был великолепным артистом, живым, веселым человеком. Занятия с ним и его самого мы очень полюбили. Теперь я понимаю, что это был артист, который мог сделать все, имел на это право в силу своего дарования. Однако многого сделать он не сумел. В театре впереди него (по возрасту и положению) шел Р. Симонов, и Игоря Константиновича «придерживали», не давали развернуться. Он блестяще сыграл Хлестакова. Но спектакль быстро сняли. Мы видели Липского неоднократно в сценах Киселя и Клюквы из знаменитого спектакля «Много шума из ничего». Игралась эти сцены так ярко и смешно, что становились как бы отдельными фарсовыми миниатюрами в спектакле. И каждый спектакль Липский играл по-разному, он был мастер импровизации, которая была присуща тогда театру им. Евг. Вахтангова.

Игорь Константинович рассказывал нам, что спектакль «Турандот» он старался никогда не пропускать, а этот театр любил еще мальчишкой. Однажды, усевшись на свободное место в первом ряду, он привлек внимание Щукина, игравшего Панталоне. Актер стал

дразнить ребенка, протягивая и быстро отдергивая бутафорскую морковку. Мальчишка-Липский разыгрался так, что под общий смех зала отнял у Щукина морковку и наотрез отказался ее вернуть. Никакие просьбы, уговоры, шуточные угрозы его не сломили — Щукин остался в проигрыше. Морковку Липский хранил дома под стеклянным колпаком всю жизнь, считая ее талисманом, и когда он впоследствии играл роль Панталоне, то всегда брал ее с собой.

Однажды у себя дома он разложил передо мной несколько своих фотографий разного времени. Штук десять. Я удивился: на них вроде бы был изображен Липский, и в то же время это был не он. Фотографии были не театральные, а случайные, бытовые. Но, как выяснилось, каждая была сделана в период его работы над какой-нибудь ролью и здесь отразились процесс работы, поиски зерна роли. Это была очень интересная и необычная маленькая коллекция.

Уроки И. Липского всегда проходили очень живо и интересно. Теперь я понимаю, что он работал с нами, не разделяя себя и нас на учителя и учеников. Все мы были вместе. Вместе искали, вместе ошибались, вместе творили. У него был дар педагога. Он ненавязчиво подсказывал, и получалось, будто ты до всего дошел сам. Как он прекрасно показывал, как импровизировал, каким был заразительным и как увлекал нас за собой! А как весело было на его уроках! И всегда — юмор! Мою жену Машу за ее несговорчивый, строптивый характер он часто называл «Вера Федоровна», а мне ласково говорил о ней: «Девочка наша...»

Я до сих пор помню спектакль «Вечер в Сорренто» (по одноименной пьесе Тургенева), который Липский поставил с нами на втором курсе. Постановка была неожиданной по решению и получила в ГИТИСе признание.

Весь спектакль игрался за столом — за длинным овальным столом, вокруг которого мы сидели в костюмах и прическах XIX века. Сзади — распахнутая на широкий балкон дверь, там было вечернее небо, был воздух. Переходов в спектакле было мало, может быть, один или два. А все парные, тройные сцены игрались при всех исполнителях. Но какую точную атмосферу, ритмы сумел выстроить с нами Игорь Константинович! Спектакль был удивительно внутренне музыкален!

В этой работе я увидел Липского в ином качестве, тогда я понял, что дар его шире, глубже, чем его используют в театре.

Игорь Константинович происходил из семьи Римских-Корсаковых. Помню его старушку маму, всегда приветливо встречавшую нас, когда мы приходили в гости. Квартирка была маленькая, на третьем этаже дома в Теплом переулке. Обстановка и атмосфера были несколько старомодными, тут и там попадались какие-то мелочи, сохранившиеся, очевидно, еще от прежних времен. Мама Игоря Константиновича плохо видела, в конце жизни совсем ослепла. Она соблюдала старые обычаи. Так, например, в праздники поздравить ее обязательно приходил дворник, и она выносила ему на блюдечке стопку водки с огурцом и немного мелочи.

Так продолжалось и тогда, когда несчастье и бедность пришли в этот дом. Правда, это было уже после того, как мы окончили институт, после ранней смерти Игоря Константиновича. Мама его была уже совсем слепа, но по-прежнему радовалась моему приходу. Она гладила меня старой ручкой по лицу, узнавала и шептала: «Андрей, милый Андрюша... Андрюша...» Тихо плакала.

Да, это было потом. А у нас на уроках Игорь Константинович был весел, молод, эlegantен. Он работал так, как поет птица. Это было его естественным состоянием.

***

Долго, очень долго обитал в институте человек, о котором мы тогда мало что знали. Знали, что он преподавал еще до войны. И после нас он тоже преподавал. Про него еще довоенные студенты сложили стишок: «Тарабукали мы прежде, тарабукаем теперь!»

Да, Тарабукин Николай Михайлович преподавал нам курс истории изобразительного искусства.

Личностью он был прелюбопытной и всеми почитаемой. Студенты его побаивались и, может быть, поэтому любили устраивать ему всевозможные розыгрыши.

Однажды девушка с первого актерского курса сказала на перемене, что плохо себя чувствует — знобит, голова болит. Стоявшие рядом старшекурсники-режиссеры посоветовали ей немедленно обратиться к врачу и указали на проходившего мимо чело-

века с небольшим черным чемоданчиком в руках. Девушка пошла за ним следом и вошла в пустую комнату. Она поздоровалась, сказала, что плохо себя чувствует и стала раздеваться. «Доктор» внимательно смотрел, как она это делает, молчал, но потом все же вежливо спросил: «Вы что же, хотите меня соблазнить?»

Все в ГИТИСе очень веселились по поводу этой истории, ведь роль «доктора», не подозревая об этом, сыграл Тарабукин.

Был он слегка сутуловат, выше среднего роста, полноватый, вежливый, ироничный. В аудитории был установлен проектор, Николай Михайлович открывал свой черный чемоданчик, доставал слайды и начинал показывать и рассказывать. Говорил он негромко, крадучиво.

Если профессор был чем-нибудь недоволен, у него чуть подергивалась левая сторона лица — начинался небольшой тик.

Помню, на экзамене он дал мне задание, которое было его «коньком»: сравнить две картины по признакам их графичности и живописности, — и показал мне Рафаэля и Тициана. Я ответил, что, очевидно, у каждого из этих мастеров свои законы живописности и сравнивать их, приводя к общему знаменателю, не следует. Лицо профессора задержалось, я понял, что он недоволен мной, и потому удивился, когда он, выслушав мои ответы на другие вопросы, все же поставил мне пятерку.

Однажды у меня с Николаем Михайловичем возник спор. Напомню, что я пришел в ГИТИС с завода, из мира техники. И вот я спросил его: считаете ли Вы, что правила эстетики применимы только к произведениям искусства и не распространяются на технику, на машины?

Понятие дизайна нам тогда было неизвестно, но я счел профессора ретроградом, когда он резко, очень резко отверг мои соображения. Ко мне он стал относиться с большой настороженностью.

И только много лет спустя я узнал причину тогдашней вспышки Николая Михайловича Тарабукина — человека, как выяснилось, непростой судьбы.

Узнал я, что эстетику в технической сфере, эстетику станков и машин Тарабукин исповедовал, отстаивал и преподавал еще в тридцатые годы. Он, вероятно, был одним из первых, кто пытался обосновать и привить у нас дизайн. И именно за это пострадал тогда. Такое случилось с многими другими учеными. Как это бывало в те годы, теперь мы знаем. Тарабукину досталось сильно. Он бросил все и ушел преподавать в ГИТИС, где оставался до конца жизни...

Когда я вспоминаю Тарабукина, то в первую очередь слышу звучащий в темноте проекционной аудитории его негромкий, ироничный голос. Может быть, поэтому он мне всегда казался мудрым домовым института.

...

В аудиторию стремительно, чуть прихрамывая, входит невысокий человек с палкой. Повернувшись к нам из-за стола, резким движением выбрасывает руку с палкой вперед, как пистолет, как пиццаль:

«Плещут воды Флегетона,
Своды Тартара дрожат...»

— голос его резок, хорошо поставлен, с едва заметным петербургским произношением.

«...Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аида бога мчат!»

— Кто что-нибудь понял? — задается вопрос. — Кто знает, чьи это стихи и о чем?

Так начал знакомство с нами Александр Сергеевич Польш. Подобно взрыву ворвался он со стихами Пушкина в наши сердца. Польш преподавал историю западной литературы.

Как он читал этот курс! Какая была сила эмоционального воздействия на аудиторию! Каждый его приход был спектаклем. Позже я узнал, что Польш брал когда-то специальные уроки красноречия в Ленинграде на курсах, организованных там Луначарским. Артистизм сопровождал каждую его лекцию, а мы сидели и слушали, как завоженные.

Однажды случилось такое: кто-то на задней парте тихо обратился к соседу. Александр Сергеевич, услышав этот звук, оборвал речь на полуслове, сильно ударил палкой по столу и выбежал из аудитории. Мы все обомлели, растерялись от такого взрыва. Бросились за ним. С огромным трудом нам удалось вернуть его обратно.

Чтение лекции для Польша было творческим актом, не мог он пережить его разрушения. Он был наследником лекторской школы, которая вела свое начало еще от старых профессоров Петербургского университета, куда съезжалось много народа и где читались так называемые публичные лекции.

Помню, на дверь аудитории, где Польш принимал экзамен, кто-то повесил плакат: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!» Однако надпись эта не соответствовала духу экзамена Польша. Спрашивал он строго, но экзамен превращался в творческое действие, поэтому отвечать ему было очень увлекательно.

Вспоминается мне, как я сдавал ему древнегреческую литературу: сел к столу, а он спросил меня, что из материала произвело на меня наиболее сильное впечатление. Билет с вопросами он отложил в сторону. Завязалась беседа — обмен мнениями, спор, ассоциации из других областей, — беседа эта продолжалась сорок пять минут. Заработал я пятерку и папиросу «Казбек», а в процессе беседы мы обсудили весь материал.

Был любопытный случай с одной из наших студенток. Получив билет, она в присутствии комиссии расплакалась. Александр Сергеевич принялся ее успокаивать, усадил к себе за стол, спросил, что же ее так огорчило. «Данте. Ад», — проговорила плачущая. «Почему?» — «Я ненавижу этих мертвецов!» Польш перешел к другим вопросам. Девушка успокоилась, отвечала хорошо и он поставил ей «отлично». Кто-то из комиссии спросил: «За что? Ведь она не ответила на один из вопросов?» Польш сказал: «За страстное отношение!» В этом ответе был он весь.

Каждый студент был для А. С. Польша по-человечески интересен. Он приходил к нам на зачеты и экзамены по мастерству актера и режиссуры, потом беседовал с каждым, умел заметить сильную сторону, умел окрылить студента. И как он все успевал? Ведь он преподавал не только в ГИТИСе, но и еще в нескольких театральных учебных заведениях. Помню, как, встречаясь, студенты разных училищ говорили о нем, о его лекциях. Его, пожалуй, можно назвать студенческим кумиром того времени.

На похороны его пришли студенты многих училищ и уже окончившие...

...

Совершенно другим человеком был Константин Григорьевич Локс. Он преподавал у нас позже Польша, читал курс о западных романтиках, и нам казалось, что он сам вышел из того странного мира. Длинные седые волосы спускались до плеч. Небольшого роста, сутулый, он был закрыт от нас и только иногда глаза вспыхивали какой-то скрытой мыслью... Непривычной для нас, какой-то особой была манера его мышления. Мы чувствовали, что он не рассказывает нам и сотой доли о том другом, своем мире.

Ни опоздавшие, ни шепчущиеся на лекции ему совершенно не мешали — их он просто не замечал. Он был полностью поглощен процессом изложения, в этом был даже как-то эгоцентричен, отрешен, и только изредка его взор рассеянно останавливался на нас, разочарованно тускнел, он делал паузу в поисках простейшего слова для изложения, мысли, а потом вновь продолжал, вновь возвращался в свой недоступный для нас мир.

Помню, был ненастный день, в окно аудитории хлестал дождь со снежной крупой, ветер гнул деревья. В природе творилось что-то невообразимое. Локс читал лекцию, нервничал, постоянно оборачивался к окну, наконец совсем приник к нему... И вдруг он громко захохотал! Глаза его заблестели: «Погода!» — воскликнул он и долго не мог успокоиться.

Вот какие они были непохожие, наши учителя!

Локс принципиально не ставил двоек. Довод был один — не желаю больше встречаться с дураком!

Однажды к нему домой вынужден был прийти студент, у которого был «хвост». Локс сам открыл дверь: сзади чернел провал коридора — на плече его сидел гла-

застый черный кот. Беседовали втроем. Локс советовался с котом и как бы вместе с ним задавал вопрос. Студент «плавал». «Давайте зачетку, знаете вы на «два», ставлю «три», — остался верен себе Локс.

Как-то я встретил его в магазине, возле витрины с пирожками. По пирожкам ползали мухи. Локс наблюдал за ними, а потом увидел меня и, громко расхохотавшись, сказал: «Пирожки с мухами!» И ушел.

Не только мы, студенты, его побаивались, но, кажется мне, и его коллеги. Знал он бесконечно много и легко мог поставить собеседника в неловкое положение.

Прочитав недавно воспоминания Н. Вильмонд о Б. Пастернаке, я неожиданно узнал много интересного о Константине Григорьевиче Локсе. Узнал, что Локс был школьным другом поэта, первым заметившим его дарование, человеком, близким к семье Пастернака. «Его выдающееся литературное дарование, — вспоминает о Локсе Н. Вильмонд, — мне сполна открылось позднее, за чтением его мемуарных записок «Повесть об одном десятилетии, 1907—1917», где много говорилось о молодом Пастернаке (мемуары остались неопубликованными)».

Константин Григорьевич также много лет провел в ГИТИСе.

(Продолжение следует)

ВЫШЛИ В СВЕТ

Бражникова З. В., Карлюк А. С. Человек. Компьютер. Творчество. — Минск: Университетское, 1991. — 133 с.

Деркач А. А., Щербак С. Ф. Педагогическая эвристика: Искусство овладения иностр. яз. — М.: Педагогика, 1991. — 221 с.

Как построить свое «я» / Под ред. В. П. Зинченко. — М.: Педагогика, 1991. — 133 с.

Леви В. Искусство быть собой: Индивидуал. психотехника. — Изд. обновл. — М.: Знание, 1991. — 255 с.

Лорьер Ж.-Л. Системы искусственного интеллекта / Пер. с фр. — М.: Мир, 1991. — 568 с.

Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / Сост. Ю. А. Ростовцев. Вступ. ст.

А. А. Тахо-Годи. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с. — (Мыслители XX в.).

Развитие памяти / Авт.-сост. Е. В. Ганкевич. — Рига: АВОТС; Кооп. «Классика», 1991. — 157 с.

Ростовцев А. Н. Введение в теорию содержания общего образования: Филос.-методол. пробл. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 114 с.

Современная западная философия: Словарь / Сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. — М.: Политиздат, 1991. — 414 с.

Френе С. Избранные педагогические сочинения / Пер. с фр.; общ. ред. вступ. ст. Б. Л. Вульфсона. — М.: Прогресс, 1990. — 303 с.

ОБРАЗОВАНИЕ В МИРЕ

Национальный центр заочного обучения во Франции

Л. ВЕДЕРНИКОВА

Одесский технологический институт пищевой промышленности

Сегодня особый интерес представляют нетрадиционные формы обучения. Находясь вне жестких институциональных рамок, они создают максимально благоприятные условия для самообразования, позволяют свободно выбирать место, способ и время для занятий. Так, хорошо известны Открытые университеты в Великобритании и Канаде, Университет без стен в США, телеколледжи в ФРГ. Сейчас действуют около 30 образовательных центров такого рода в различных странах мира.

Педагогические и организационные преимущества, равно как и экономические факторы, способствовали развитию нетрадиционных форм образования и в нашей стране. В частности, в 1989 г. в Москве начал функционировать Российский открытый университет.

Переход к рынку и предстоящие вследствие этого серьезные изменения в профессиональной ориентации трудящихся заставляют нас с пристальным вниманием отнестись к обширному позитивному опыту подготовки и переподготовки кадров на Западе. В этом плане представляет интерес французская система непрерывного образования, и в частности Национальный центр заочного обучения (Centre National D'Enseignement A Distance).

Заочное образование развивается во Франции с 1939 г. Толчком к его развитию послужила вторая мировая война: значительный ущерб, нанесенный ею учебным заведениям, массовые перемещения населения сделали невозможным существование лишь традиционных образовательных институтов. 2 декабря 1939 г. президент Франции по представлению министра национального образования издал указ, учреждающий заочную форму обучения (см.: Lesourne J. Education et société. Les défis de l'an 2000. P., 1988. P. 37). Она выдержала проверку временем, доказала свою эффективность и успешно функционирует по сегодняшний день.

Что же касается непосредственно Национального центра заочного образования (далее — НЦЗО), то он создан 30 мая 1944 г. специальным указом президента. Деятельность Центра охватывает не только территорию метрополии, но и зависимые от Франции государства — бывшую колониальную империю (см.: Lehnish J. P. D'enseignement à distance. P., 1981. P. 113).

Последовавшие вскоре циркуляры министерства национального образования ставили перед Центром такие задачи, как подготовка кадров по многим промышленным и коммерческим специальностям, а также создание курсов усовершенствования, «улучшающих общую культуру и профессиональную квалификацию рабочих и служащих» (Ibid. P. 121). Профиль нового учебного учреждения был существенно расширен тем, что в нем велась подготовка преподавателей к участию в конкурсах на замещение вакантных должностей в вузах. Одновременно НЦЗО приступил к работе с соискателями, претендующими на различные управленческие и административные посты.

9 СЕНТЯБРЬ 1991

Alma
mater

ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРСЫ И ГРАНИ	3	В. Пархоменко Высшая школа Украины: от усредненности — к индивидуальности
	6	В. Кан-Калик К разработке региональных моделей высшего образования
	11	Палитра идей и мнений (с Годичного собрания работников науки в высшей школе) (окончание)
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	20	Программа «Творческая одаренность» НИИКСИ ЛГУ
	21	Р. Зобов, В. Келасьев, Б. Тихонов, Т. Трапезникова Социальные детерминанты формирования творческой личности студента
ПОЗИЦИЯ	27	Деидеологизация преподавания — «за» и «против» (статьи М. Скирдо и А. Габидулина)
В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ	33	А. Прохоров, А. Перетятко, Н. Слонов Госэкзамен — деловая игра
	35	А. Гурьев Формы активного семинара
HUMANITAS	38	А. Кезин Проблемы и перспективы гуманитаризации (с заседания «круглого стола» в МГУ)
	41	О дне сегодняшнем и не только о нем... (беседа с С. П. Чеховым-Боткиным)
ВСЛЕД ЗА ГИПОТЕЗОЙ	46	О. Генисаретский Этнокультурная идентичность во всех возможных мирах
МЫ И ВРЕМЯ	52	А. Муат, М. Муат Из прошлого... (ГИТИС второй половины сороковых) (окончание)
РЕТРОСПЕКТИВА: ПРОШЛОЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО	58	В. Свинцов Изгнание-1922. Николай Бердяев
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	72	В. Савельева, В. Яковлев Высшая школа и внутривополитический курс России (1907—1911)
ОБРАЗОВАНИЕ В МИРЕ	80	Н. Ладыженец Университеты Европы
	85	Люсьен Мишёд Идея университета

ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Из прошлого...

(ГИТИС второй половины сороковых)

А. МУАТ при участии М. МУАТ

Шел снег, шофер знал дорогу плохо и когда, наконец, мы подъехали к крематорию и я вбежал... гроб уже должны были опускать. Гневный, взъерошенный С. Образцов, увидев меня, громко крикнул: «Где ГИТИС?!» Пришлось оправдываться тем, что застряли в дороге. Но сказать несколько слов о Владимире Николаевиче Мюллере мне все же дали. Я в то время уже преподавал в ГИТИСе, но решил выступить от имени моих однокурсников, бывших учеников Владимира Николаевича. Прощание это было грустным и для меня тягостным — вот так, впопыхах расставаться с этим скромным, честным, талантливым, интеллигентным человеком... Ведь это был один из последних истинных интеллигентов ГИТИСа, того, прежнего ГИТИСа.

О смерти Владимира Николаевича я ничего не знал. Не видел в институте траурного объявления — да его и не было! Подходя однажды к институту, увидел траурный венок, прислоненный к стоящему у входа автобусу. Рядом металась заведующая учебной частью В. Озерова. Она срочно ловила желающих поехать на похороны, ловила проходящих мимо! Кроме меня желающих не нашлось... Никого из членов кафедры, никого из студентов! Мне было бесконечно стыдно за ГИТИС. Да... Теперь это уже не тот ГИТИС, в котором я когда-то учился. На одном из своих поздних курсов (там тогда училась моя дочь) Владимир Николаевич как-то рассказывал о своей юности. Прошла она в Одессе. Он тогда увлекался зарождающейся у нас авиацией, первыми полетами, с гордостью называл себя одним из первых авиаторов.

Владимир Николаевич учил нас и когда мы были студентами, и когда мы сами стали режиссерами, преподавателями. Мне казалось, что все эти долгие годы он оставался таким, каким мы его увидели на первом курсе, на первом уроке — в середине сороковых. Худощавый, подтянутый, в синем костюме и в очках, всегда с легкой улыбкой, чрезвычайно доброжелательный, чуть педантичный.

А был он энтузиастом театра, фанатиком в своей области. Предмет свой он называл «Законы сценического пространства» и работал над этой темой всю жизнь.

Однажды он пригласил студентов к себе домой. В центре тесной, заставленной комнаты располагался огромный макет театральной сцены со всевозможными устройствами, подъемниками и пр. К сожалению, ушло из памяти, что именно демонстрировал Владимир Николаевич нам на этом макете, но хорошо помню наше изумление перед всевозможными сценическими конструкциями, их широкими изобразительными возможностями. Не знаю дальнейшей судьбы этого макета. Сделан он был из хорошего дерева, работа была очень тонкой, каждая деталька была выполнена с любовью, красиво. Помню, Владимир Николаевич говорил, что потратил на эту работу несколько лет. Макет вполне мог бы стать экспонатом музея.

В. Н. Мюллер очень любил ходить в театр, он не пропускал ни одной премьеры. Впечатления свои излагал нам, если мы об этом спрашивали, предельно кратко и точно.

Окончание. Начало см. «ВВШ» № 8 за 1991 г.

Корил нас за то, что мы не видели какого-нибудь спектакля. Стыдил, так как считал, что мы должны смотреть все.

Так естественно было приходить в ГИТИС, иногда даже с промежутками в несколько лет, и встречать там Владимира Николаевича с его легкой улыбкой, в синем костюме, с черной папочкой подмышкой, пробирающегося среди студентов. Он старел, почти не изменяясь, незаметно. И ушел тоже тихо и незаметно. Захлопнулась дверь еще одной души, доброжелательной и тонкой.

* * *

Учась в ГИТИСе, мы, к сожалению, мало знали о своих учителях, особенно о тех, кто не были знаменитостями. Их жизнь, их часто непростые биографии проходили мимо нас. А ведь, как я уже говорил, С. С. Мокульский собрал тогда в институте плеяду замечательных людей. Все они были знатоками своего дела, влюбленными в театр, все были интеллигентами, и общение с ними формировало нас и поднимало ГИТИС на уровень Академии театра, хотя он никогда так и не назывался.

После ухода С. С. Мокульского и разгрома, учиненного в институте после знаменитой статьи в «Правде» «Об одной антипатриотической группе критиков» (28 января 1949 г.) уцелели немногие. И никто и никогда больше не занимался специально подбором кадров такого высокого уровня, да никто и не смог бы этого сделать, потому что ректора уровня Мокульского в ГИТИСе больше никогда не было.

* * *

Нина Павловна Збруева была дочерью знаменитой русской певицы — контральто Большого и Мариинского театров — Евгении Ивановны Збруевой. С детства она жила в мире музыки, объездила с матерью весь мир, слышала многих великих музыкантов.

Нина Павловна учила нас слушать музыку. Нигде больше я о таком методе преподавания, какой был у нас, не слышал.

Помню, одним из вступительных экзаменов была проверка слуха. В комнате с двумя роялями за столом сидела женщина с нервным лицом, с седыми, коротко остриженными волосами. Ее выразительные тонкие пальцы были в непрерывном движении. Во рту была папироса. Сквозь толстые стекла очков на меня пристально смотрели огромные глаза. Мягким движением руки Нина Павловна предложила мне сесть. «Простучите мне это», — сказала она. Я простучал. «Спойте что-нибудь». Я попытался спеть тему из оперы Листа (зачем?), пропел два такта... Профессор остановила меня, улыбнулась, допела фразу до конца. «Вы свободны». Так я был «выяснен» и выпровожен из аудитории, которую Нина Павловна всегда запирала на ключ — дорожила роялем, ведь тогда в ГИТИСе брэнчали все подряд, на всех переменах.

Уроки Нины Павловны были интересны всем, даже тем нескольким студентам, которые раньше обучались музыке, играли сами. Она рассказывала нам о музыкальных формах, учила различать их. Но интереснее всего было тогда, когда мы дирижировали. Да, мы по очереди дирижировали сложными музыкальными произведениями. Часто она играла для этого сама, иногда вместе с ассистенткой на двух роялях, реже включала запись.

Дирижируя, т. е. включаясь в слушание музыки не пассивно, а активно, через физическое действие, через «руки», студент не просто умозрительно начинал понимать, что такое музыкальная тема, но и чувствовал ее движение, развитие, постигал язык и драматургию музыки. Помню, как я «дирижировал» «Лунную сонату».

Нина Павловна была одержима музыкой и чутко отзывалась на все наши просьбы. Помню, студент Ю. Сергеев попросил научить его играть на рояле. И она учила — он постоянно ходил к ней в класс на уроки, и она находила для этого время.

Я писал уже о щедрости наших учителей. Нина Павловна была бесконечно духовно щедра...

* * *

Как и положено в добром старом доме, в ГИТИСе тех времен жили добрые домовые. Обитали они в разных закутках и тоже любили нас и помогали нам. Это были добрые

души, к которым можно было всегда прийти со своей просьбой, прикинуть в огорчении, в отчаянии...

Нередко случалось, влетев в какой-нибудь уголок, наткнуться на склонившиеся друг к другу фигуры, о чем-то тихо беседующие. Поняв, что ты лишний, тут же сматываешься до другого раза, когда и ты сможешь прийти и поведать о своем.

* * *

В одном из уголков библиотеки, за стеной читального зала, зажатый между стеллажами и окном стоял маленький письменный столик. Места в уголке хватало ровно настолько, чтобы поставить один стул. Стул этот постоянно бывал занят, и приходившие следующими студент или педагог ожидали своей очереди в читальном зале. Уголок этот носил громкое название — Библиографический отдел.

Здесь обитала Татьяна Сергеевна Борисова, выдавала нам всевозможные справки о книгах, авторах и т. д. У нее можно было узнать практически обо всем, что связано с театром и литературой. И обо всех нас она тоже знала все. Ибо библиография была официальной, но не главной частью ее деятельности.

Ни один человек в институте не знал студентов всех курсов и выпускников с творческой стороны так, как знала Татьяна Сергеевна. Она была почти на всех экзаменах и наблюдала за каждым студентом от его поступления до окончания. Более того, она продолжала следить за тем, как складывалась творческая жизнь студентов, где бы им ни пришлось работать после института. Со многими она переписывалась. Знала об успехах, знала и о провалах. Собирала рецензии, уголок ее всегда был увешан последними афишами студентов ГИТИСа, она их бережно хранила.

Не только мы, студенты, но и многие преподаватели советовались с ней, выбирая отрывки и пьесы для дипломных спектаклей. Она обладала способностью угадывать, что необходимо сыграть тому или иному студенту, что будет более выигрышно показать на защите диплома.

Обо всем можно было разговаривать с Татьяной Сергеевной; суждения ее, которыми она охотно делилась с нами, были всегда интересны, неожиданны — это были суждения, принадлежащие ей одной. Привычка приходить за советом, за разговором к Татьяне Сергеевне осталась у многих из нас и после окончания института. Мы с гордостью приносили ей свои афиши и рецензии.

Неизвестна мне судьба архива Татьяны Сергеевны. Думаю, что, если б он сохранился, это был бы уникальный материал об истории ГИТИСа, о его выпускниках.

* * *

Кто из нас, студентов той поры, не помнит не молодую уже, но экспрессивную и очаровательную, по-польски пикантную, веселую и доброжелательную, помогавшую нам в любое время суток заведующую костюмерной Марию Целестиновну. Кажется, она была дальней родственницей И. М. Раевского, польской еврейкой и говорила с польским акцентом.

Каким образом умудрялась она поместиться со всеми своими костюмами в маленькой, без окна комнатке справа от входа в Большой зал (теперь там реквизиторская) — непонятно. Но там постоянно кипела работа, дверь была открыта для всех, хотя Мария Целестиновна была пристрастна и субъективна: одних она обожала, к иным относилась холодно.

Длинные черные плащи и широкие, тоже длинные, потрепанные юбки для репетиций этюдов и отрывков предоставлялись нам всегда. Но когда дело шло о спектакле, у нее находилось все — от фраков до гимнастерок. Костюмы, предназначенные только для спектаклей, висели отдельно, в заветном углу. Она их подбирала, перешивала и делала это безотказно, с веселыми шутками и прибаутками. Была строга — пока сама не останется довольна, ни за что костюм не выдаст. Она где-то доставала материю и любимцам своим шила сама, готовая расшиться в лепешку, чтобы ее «душечка» хорошо выглядела. «Ах, душечка моя, — приговаривала она во время примерки, — да какая у тебя фигурочка, да какие ножечки, да какие плечики...» Она смешно коверкала некоторые слова.

Мария Целестиновна любила театр, обязательно читала пьесы дипломных спектаклей, никогда не оставалась равнодушной и всегда категорично высказывалась о прочитан-

ном. Она прочла пьесу Л. Зорина «Молодость», которую в качестве диплома ставил на нашем курсе А. А. Гончаров. Пьеса-комедия на модную тогда тему о «стилягах» Марии Целестиновне не понравилась, и она попросила показать ей автора пьесы. «Какой красивый и какой бездарный мальчик!» — с сожалением произнесла она.

Мария Целестиновна была постоянным «объектом» наших капустников, знала об этом, не обижалась и, обладая чувством юмора, часто выдавала какой-нибудь очередной «перл», потешавший весь институт. ГИТИС нашего времени невозможно представить себе без Марии Целестиновны.

* * *

Обстановка в институте в то время отличалась интеллигентностью, духовностью, отсутствием казенщины. Ректор и проректор постоянно находились среди студентов, бывали почти на каждом экзамене. Такой атмосфере способствовали и взаимоотношения мастеров и педагогов с работниками постановочных служб и сотрудниками. Общее дело нашего воспитания объединяло их всех на основе взаимного уважения, товарищества. Все они находились в постоянном деловом и творческом контакте.

Хочется сказать и о манере общения и об отношениях в поведении, принятых тогда в ГИТИСе. Как правило, студенты здоровались с каждым взрослым, знали в лицо всех педагогов и работников института, уступали дорогу в коридорах.

Культура в поведении и интеллигентность считались необходимейшими для работников театра признаками, и студенты стремились к этому, включались в духовную среду ГИТИСа.

* * *

В конце сороковых обстановка в институте постепенно начала меняться. Послевоенные радостные настроения поутихли. Это было не только в ГИТИСе, это происходило по всей стране...

Случилось это весной 1949 г. после появления в «Правде» вышеупомянутой статьи, в которой громили критиков-космополитов и упоминали имена Бояджиева, Малюгина, Юзовского, Альтмана и др. Между тем все они были корифеями театроведения, почти все преподавали в ГИТИСе.

Сегодня мы можем себе представить, что означала в те времена такая статья в «Правде».

...Три дня проходило и транслировалось по институтскому радио совместное с партийной организацией заседание кафедры театроведения, где в набитом студентами зале публично громили «космополитов безродных», обзывали непотребными словами заслуженных ученых, всю свою жизнь отдавших делу театра.

Вел заседание некто В. Залесский, подвизавшийся на театроведческом факультете. И вот на Голгофу по очереди выходили: Дживилегов, Юзовский, Альтман, Малюгин, Мокульский, Абрам Эфрос и другие, не менее славные.

Каялись! Иначе было нельзя — последствия даже при раскаянии могли быть самыми страшными. Над всеми витал ужас недавней трагической гибели Михоэлса.

Мы, студенты, бродили по институту потерянные, потрясенные этой публичной казнью... Все было, как в дурном сне. Для чего? Зачем? За что? Понять истинную суть происходящего тогда было невозможно.

Только раз мне удалось втиснуться в переполненный зал. В тяжелой духоте, на сцене, в президиуме сидели незнакомые, чужие люди. Председатель — В. Залесский — кричал надрывно, изрыгал ругань. А рядом стоял заведующий кафедрой театроведения профессор Борис Владимирович Алперс, автор многих книг, в том числе и книги о Мейерхольде. Борис Владимирович был предельно напряжен и бледен, мне бросилась в глаза такая же близость его сорочки, манжетов, воротничка...

Председательствующий кричал: «Вот вы в книге пишете: "Мейерхольд — художник!" — Разве он художник? Вы на этом настаиваете?» — Алперс, запинаясь, в отчаянии пытался отрицать им написанное...

Бояджиев написал письмо и на это собрание не пришел. Его громили заочно и из института выгнали, как и многих других — Юзовского, Малюгина, Альтмана, того же Алперса...

По тем временам всем им — «космополитам безродным», сильно повезло — не посадили! Некоторым даже удалось восстановиться в институте и еще какое-то время преподавать...

Через несколько дней после этих событий я встретил С. С. Мокульского на третьем этаже в коридоре. Остановился, пропуская его, поздоровался и спросил: скоро ли вернется он на свое место? Стефан Стефанович внимательно посмотрел на меня и спросил: «А студенты хотят этого?» Я сказал: «Очень». Мы разошлись...

* * *

Жизнь в институте после этих событий не могла не измениться. Кончились замечательные праздничные вечера, где веселье и танцы продолжались допоздна, где в разных аудиториях играли, пели, спорили, встречались по интересам. Запретили наши капустники, которые обычно готовились к каждому вечеру и на которые собиралось множество народа, приходили даже студенты из других учебных заведений. В первом ряду всегда восседали профессора во главе с Мокульским и с удовольствием смеялись над своими карикатурными изображениями.

Все это кончилось, и из института ушел демократический дух студенческо-преподавательской творческой «вольницы».

* * *

Итак, мы были на третьем курсе, мы продолжали учиться.

Институт еще некоторое время жил прежним запалом. Помнится, устраивались творческие конференции студентов, где каждый мог выступить по волнующим его вопросам, где разгорались споры.

Запомнилась конференция, где с огромным убеждением и темпераментом выступали студенты Николай Мокин и Лев Дурасов, они доказывали, что МХАТа нет, что он умер. Мы и после конференции долго в кулуарах обсуждали эти выступления, спорили.

В институте были студенты, которых не удовлетворял учебный процесс, он (не без оснований) казался им устаревшим, закостеневшим. Создавались студенческие студии. Помнится, была студия студента Туманова, куда ходили репетировать по ночам. Режиссер Константин Воинов организовал студию при клубе МГУ.

Неудовлетворенность преподаванием проявилась и на нашем курсе, она значительно усилилась, стала нарастать, когда мы узнали, как преподают на своих курсах Д. Попов и М. Кнебель, пользовавшиеся открытиями последних лет Станиславского о методе физического действия, действенном анализе.

Никто из нас не знал, что это такое, но мы чувствовали: это что-то новое, мы хотели знать это новое. Педагоги на наши вопросы по этому поводу ответить не могли.

На курсе назревала все большая неудовлетворенность работой Захавы. Мы стали собираться по вечерам после занятий и думали, что нам делать. Когда нас выставляли из института, то мы переходили в скверик возле метро «Арбатская» и засиживались там допоздна. Наши горячие споры и крики не раз привлекали внимание милиции.

Многие студенты были настроены очень резко, считали, что они не дополучают по профессии, что им не с чем будет идти в театр. Выхода не находилось, обстановка все более накалялась.

В конце концов, было принято решение впрямую сказать обо всем профессору Захаве. Приурочено это было к собранию, на котором тот должен был подводить итоги года и выставлять отметки.

Атмосфера на курсе была накалена чрезвычайно, и собрание грозило быть тяжелым. Для меня это стало окончательно очевидным после первого же выступления одной из студенток. Я понял, сколько лишнего и, быть может, несправедливого будет сказано в запале и как трудно будет все это выслушивать Борису Евгеньевичу.

Я был старшим на курсе и тут же попросил товарищей предоставить мне сказать обо всем, что нас волнует. Так на мою долю выпала задача: до конца высказать Б. Е. Захаве наше беспокойство и неудовлетворенность и постараться сделать это предельно спокойно и тактично. «Их потянуло с шоколада на капусту!» — сказал Захава, и мы расстались.

* * *

После этого наш большой курс был разделен на две половины. Одну часть взял Д. Попов, другую — М. Кнебель.

Оставшиеся два с половиной года, которые я и мои товарищи учились у Марии Осиповны Кнебель, запомнились нам на всю жизнь, они дали нам многое не только в профессиональном, но и в человеческом смысле.

Я не стану вспоминать здесь подробно о том, как Мария Осиповна учила нас. Она написала об этом в своих замечательных книгах. Попытаюсь лишь сказать о навсегда запомнившихся чувствах, связанных с ее приходом к нам.

На первых же уроках мы были совершенно растеряны и ошарашены: мы попали в совершенно иной мир, ничего общего не имеющий с тем, к которому мы привыкли.

Свободная дружеская обстановка, никакой дистанции между нами, взаимное уважение, сменившееся потом нашей любовью к ней. Ей была свойственна, думаю, передаваемая через поколения природная мудрость, которая проявлялась и в ее проникновении в образ, и в ее чутье к студенту. Всегда казалось, что ей ведомо нечто, чему нельзя научиться, хотя она старалась нас научить всему, что знала и умела сама. Поразили нас глубина ее анализа и простота слов, которые Мария Осиповна находила для объяснения самых сложных психологических явлений.

Мария Осиповна поставила с нами дипломный спектакль «Последние» по пьесе М. Горького. Она работала с каждым индивидуально, сначала приглядывалась, выжидала, когда человек раскроется для нее. Получилось как-то так, что студенты, которые не очень-то «шли» у Захавы, у нее вдруг делали резкий рывок вперед.

А когда мы уже играли спектакль, то все, как один, чувствовали себя великими артистами. Удивительный ее педагогический дар, знание «петушиных» слов для каждого — в ее руках мы обретали желаемые ей актерские качества, правда сценической жизни становилась естественной средой нашего спектакля.

Актерское мастерство на нашем курсе преподавал Андрей Александрович Гончаров. Он был совсем молод — почти ровесник некоторых из нас, и мы относились к нему, как к сверстнику. Он же своим товарищеским отношением дал нам очень многое.

А. А. Гончаров был первым за все годы учения и, пожалуй, единственным, кто рассказывал нам о театре, где нам вскоре предстояло работать, с точки зрения жизни в нем, жизни в театральном коллективе. Он рассказывал нам со свойственными ему юмором и иронией о том, что нас ждет. Некоторые из нас без конца выпрашивали его, прикидывая применительно к себе различные ситуации. И по-хорошему завидовали. Так молод, а уже известный московский режиссер! (Он тогда поставил спектакль «Вас вызывает Таймыр» по пьесе А. Галича. Спектакль имел большой успех.)

На нашем курсе установилась творческая атмосфера полного взаимопонимания между нами и нашими учителями.

Для нас это было удивительное, счастливое время...

* * *

Эти записки — попытка рассказать о ГИТИСе, каким он запомнился нам в годы нашей молодости. Мы попытались передать атмосферу, в которой тогда жили, описать ее так, как воспринимали ее. Естественно, мы не претендуем на абсолютность своих воспоминаний. Наши товарищи, конечно, могут помнить что-то еще и иначе...

Главное, нам хотелось отдать дань памяти людям, которые окружали нас тогда и большинства из которых уже нет. Людям, многие из которых незаслуженно забыты. Они ни на что не претендовали, они просто были! Были щедры к нам, любили нас и отдавали нам свои знания, заботу, тепло своей души. Каждый по-своему...